

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ ЗАПАДА

Й. ШУМПЕТЕР

ТЕОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ

ИБ № 10137

Младшие редакторы Н. И. БОРИСОВА, О. В. КРАСНОВ-СКАЯ

Художник Б. И. АСТАФЬЕВ

Художественный редактор В. А. ПУЗАНКОВ

Технический редактор И. К. ДЕРГУНОВА

Корректор Н. И. МОРОЗ

Сдано в набор 02.04.82. Подписано в печать 29.09.82. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская. Гарнитура об. новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 23,94. Уч.-изд. л. 24,06. Тираж 4000 экз. Заказ № 225. Цена 1 р. 70 к. Изд. № 33271

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113105, Москва, Нагатинская ул., д. 1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Йозеф Шумпетер и его „Теория экономического развития“ (Вступительная статья)	5
Предисловие к первому изданию	37
Предисловие ко второму изданию	39
Предисловие к четвертому изданию	43
Из предисловия к японскому изданию	52
<i>Глава первая</i>	
Хозяйственный кругооборот в его обусловленности су- ществующими отношениями	57
<i>Глава вторая</i>	
Основной феномен экономического развития	148
<i>Глава третья</i>	
Кредит и капитал	205
<i>Глава четвертая</i>	
Предпринимательская прибыль или прибавочная стои- мость	277
<i>Глава пятая</i>	
Процент на капитал	310
<i>Глава шестая</i>	
Цикл конъюнктуры	385
Именной указатель	437
Предметный указатель	439

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

Для научных библиотек

Й. ШУМПЕТЕР

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

(Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры)

Перевод с немецкого
В. С. АВТОНОМОВА, М. С. ЛЮБСКОГО
А. Ю. ЧЕПУРЕНКО

Вступительная статья академика А. Г. МИЛЕЙКОВСКОГО
и кандидата экономических наук В. И. БОМКИНА
Общая редакция академика А. Г. МИЛЕЙКОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО · ПРОГРЕСС · МОСКВА 1982

Редакционная коллегия серии «Экономическая мысль Запада»:
Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ (руководитель редколлегии),
В. С. АФАНАСЬЕВ, В. В. ГОЛОСОВ, И. Е. ГУРЬЕВ,
А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ, С. М. НИКИТИН,
И. М. ОСАДЧАЯ, М. Н. РЫНДИНА, Р. М. ЭНТОВ

Редактор: Ю. И. КУКОЛЕВ

Книга одного из крупнейших буржуазных экономистов нашего времени Йозефа Шумпетера (1883—1950) до сих пор оказывает влияние на формирование взглядов буржуазных экономистов и служит для них одним из авторитетных пособий по теории экономического развития.

Представляет интерес для квалифицированных читателей — экономистов, преподавателей курса политической экономии в экономических вузах, а также для философов и историков общественной мысли.

Редакция литературы по экономике

III $\frac{10702-797}{006(01)-82}$ 63—82

0602000000

THEORIE DER WIRTSCHAFTLICHEN ENTWICKLUNG

Eine Untersuchung über Unternehmerge Gewinn,
Kapital, Kredit, Zins und Konjunkturzyklus

Von
Josef SCHUMPETER

Sechste Auflage

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

ЙОЗЕФ ШУМПЕТЕР И ЕГО «ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ» (Вступительная статья)

Деятельность Йозефа Алоиза Шумпетера (1883—1950) — автора очередной книги, русский перевод которой подготовлен редакцией литературы по экономике в рамках серии «Экономическая мысль Запада», почти с математической точностью совпадает с первой половиной XX в.

Это был особый период в истории буржуазной экономической науки. На переломе XIX и XX вв. капитализм достиг своей высшей, и последней, стадии развития — стадии империализма. Специфика функционирования капиталистической экономики в условиях все возрастающей роли монополий, появление целого ряда принципиально новых явлений в экономических отношениях капитализма, углубление циклических кризисов и усиление их разрушительного влияния на различные сферы жизни буржуазного общества, короче говоря, весь сложный комплекс изменений в экономике капитализма уже сам по себе не мог не оказать глубочайшего и разностороннего воздействия на буржуазную экономическую теорию. Речь идет о том, что произошли такие изменения в *объекте* исследования буржуазной политической экономии, которые либо целиком опрокинули, либо поставили под серьезное сомнение многие из устоявшихся в этой науке и казавшихся незыблемыми догм и представлений.

На стадии империализма усложняется структура самого класса буржуазии — резко возрастает ее вертикальная и функциональная стратификация, что соответственно приводит к формированию специфических и неоднозначных интересов отдельных слоев буржуазии, в том числе и в области экономической теории. Таким образом, в этот период в производственных отношениях еще больше усиливаются тенденции, отмеченные К. Марксом и состоящие в том, «...что эти отношения создают *буржуазное богатство*, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого

класса и образования постоянно растущего пролетариата.

Чем больше обнаруживается этот антагонистический характер, тем больше экономисты, эти ученые представители буржуазного производства, приходят в разлад со своей собственной теорией и среди них образуются различные школы»¹.

Наиболее серьезный удар буржуазной политической экономии как одной из форм идеологии класса буржуазии был нанесен выступлением пролетариата на исторической арене в качестве самостоятельной политической силы, которая обладает четко сформированной идеологией, базирующейся на глубоко разработанной научной теории, в том числе и в области экономической науки.

Все указанные факторы обусловили окончательное разложение классической школы и преобладание вульгаризаторских и антинаучных элементов в теоретических построениях ее последователей (типа теории «трех факторов», «воздержания», «Закона Сэя» и т. д.).

Вместе с тем уже на базе непосредственной критики основ классической буржуазной политической экономии сформировались «новые» школы и направления вроде исторической школы в Германии, австрийской, лозаннской школ, различных разновидностей раннего институционализма и математического направления.

Таким образом, к началу XX в. буржуазная политическая экономия оказалась в состоянии крайней раздробленности, она не могла дать сколько-нибудь целостного, логически непротиворечивого объяснения основных закономерностей функционирования капиталистической экономики, а тем более объяснить в рамках единой и последовательной концепции новые явления и процессы, связанные с империалистической стадией развития капитализма.

Однако многие ведущие представители буржуазной экономической науки уже тогда начали осознавать, какую опасность в идеологическом противоборстве с пролетариатом создает для них отсутствие подобной целостной системы взглядов, глобальной, как принято теперь говорить, концепции функционирования и развития экономики, которую можно было бы противопоставить марксистской теории общественного развития. Те из них, кто являлся более дальновидным, прекрасно понимали, что при всей важности для защиты их идеологических позиций борьбы против отдельных положений и теоретических постулатов

марксизма (путем, например, выдвижения различных вариантов субъективной теории стоимости) в конечном итоге они окажутся безоружными, если не будет сформулирована претендующая на целостность и последовательность экономическая теория.

Важным обстоятельством является и изменение тех требований в практической сфере, которые буржуазия начала предъявлять к экономической теории. Ясно, что для капиталистической монополии условия функционирования, цели и способы деятельности имеют ряд специфических черт и особенностей по сравнению с деятельностью даже крупного капиталиста периода свободной конкуренции. И если этого капиталиста могли удовлетворить те частные функциональные связи, те поверхностные зависимости, которые буржуазным теоретикам удавалось выявить, используя отдельные инструменты из разобранного на составные части механизма классической теории типа «робинзонад» или вновь созданные аналитические средства вроде «законов Госсена», то монополия в силу своего качественного отличия заинтересована в получении информации более высокого уровня обобщения, в выявлении тенденций и закономерностей более высокого порядка. Подобная заинтересованность усиливается по мере роста экономической роли буржуазного государства, и особенно в связи с возникновением государственно-монополистического капитализма.

Результатом воздействия подобных потребностей и является возникшая в начале XX в. тенденция к формированию «синтетических» форм буржуазной экономической теории, т. е. образование таких направлений или разработок отдельными авторами таких концепций, которые объединяли бы идеи и представления более или менее обособленных школ и течений, служили бы своеобразной платформой для достижения компромисса, направленного на формирование единого идеологического фронта против марксизма-ленинизма, и одновременно позволяли бы выдвинуть теоретическое обоснование тактики и стратегии монополий и государственной экономической политики.

Итак, отмеченные два процесса — распада, разложения, внутреннего расслоения буржуазной экономической науки и «синтеза», тенденций к объединению — обладают взаимной диалектической связью, они четко просле-

живаются на протяжении всего развития этой науки в XX в., хотя на их динамику, безусловно, оказали воздействие конкретные условия отдельных исторических периодов.

В деятельности Й. Шумпетера, пожалуй, как ни у какого другого буржуазного автора XX в., проявились стремления к «синтезу». Этот далеко не заурядный человек проделал огромную работу, чтобы создать для своего класса, используя все противоречивое многообразие концепций, идей, постулатов современной ему буржуазной экономической науки, некую теоретическую систему, претендующую на объяснение принципов функционирования капиталистической экономики на всех уровнях ее развития, на обеспечение возможности прогнозирования этого развития на будущее. Если в целом говорить о месте и значении Й. Шумпетера в буржуазной политической экономии, то в обобщенном виде это следовало бы сформулировать так: нет такой школы в буржуазной политэкономии конца XIX и первой половины XX в., которая не нашла бы своего отражения в творчестве данного автора, и нет ни одного крупного современного направления, идеи которого в той или иной мере не были предугаданы Шумпетером и которое не испытывало бы его влияния. Пытаясь найти некий средний путь в области теории, «удовлетворить все вкусы», Шумпетер в результате оказался вне каких-либо конкретных школ и течений; многие буржуазные экономисты отмечали его высокий интеллектуализм, энциклопедические знания, оригинальность мышления, но мало кто признавал его «своим». Это в равной мере относится и к его вкладу в «чистую теорию», и к политическому смыслу его концепций.

Приведем несколько мнений на этот счет. В августе 1950 г. достаточно влиятельный американский экономист Г. Хаберлер писал о Шумпетере следующее: «Йозеф Шумпетер был одним из величайших экономистов нашего времени»². И далее: «Обычно Шумпетера считают представителем австрийской школы. В действительности же и как человек, и как исследователь он с самого начала был гражданином мира. Он никогда не любил отождествлять себя с какой-либо национальностью, группой или школой. «Он не был чьим-либо учеником». Полная интеллектуальная независимость очевидна уже в его ранних работах»³. В конце своей статьи Г. Хаберлер вновь повторяет этот тезис в

несколько ином аспекте: «Он понимал любую позицию, любую точку зрения и в каждой из них находил что-то истинное и полезное, четко осознавал в то же время их недостатки и ограниченность»⁴.

Именно стремление объединить то, что объединить нельзя, внутренние противоречия созданной Шумпетером системы исключили возможность и формирования особой — «шумпетерианской» — школы. Г. Хаберлер выдвинул ряд дополнительных причин, в силу которых этого не произошло. Он писал: «Универсальность и непредубежденность Шумпетера, как и сложность его системы, затруднили процесс кристаллизации особой школы. Его идеи было трудно изложить, поэтому она не могла сформироваться»⁵. Если внимательно вникнуть в содержание сказанного Хаберлером, то становится ясно, что он фактически признает невозможность формирования широкой и единой буржуазной экономической теории. Более того, достаточно четко прослеживается и мысль о необходимости наличия в любой такой теории «популяризаторских», т. е. упрощенных и политически окрашенных элементов, без которых ни одна теория не может достичь сколько-нибудь заметного влияния. Окончательно тезис о том, что без определенной политической позиции в современной буржуазной экономической теории ни один автор на влияние претендовать не может — а это приговор всем рассуждениям «о позитивной», «непредвзятой», «чистой» экономической теории, — звучит у Хаберлера применительно к Й. Шумпетеру следующим образом: «Основная причина, почему не возникло школы Шумпетера, состоит в том, что он не был ни реформатором, ни фанатичным приверженцем капитализма, социализма, планирования или какого-либо другого «изма», он был исследователем и интеллектуалом. В чисто научной области широта и универсальность Шумпетера, отсутствие стремления вести борьбу за какой-то специфический подход, тот факт, что он находил что-то полезное и приемлемое в любой теории и методе, воспрепятствовали развитию школы Шумпетера»⁶. Итак, теория Шумпетера не смогла составить основы для развития самостоятельного направления в рамках буржуазной политической экономии именно потому, что он претендовал на обеспечение ее единства, достижение универсальности и всеобъемлемости. И «новаторство» Шумпетера, и позиция тех, кто преклоняется перед ним, позволяют нам глубже понять и оценить один

из основных истоков того кризиса, в котором оказалась современная буржуазная политическая экономия, — острые противоречия внутри класса буржуазии.

Но был ли Шумпетер столь уж нейтрален? Предоставим вновь слово его поклонникам. Небезызвестный П. Суизи, один из современных буржуазных «знатоков» марксизма, сам претендовавший на звание «марксиста», писал: «Существовало одно огромное исключение среди буржуазных экономистов, была одна выдающаяся личность, которая стремилась под влиянием Маркса и в *противовес марксистам создать конкурирующую теорию экономического развития*, центром которой являлось бы технологическое развитие»⁷ (выделено нами. — А. М., В. Б.).

Если сделать скидку на один из многочисленных идеологических трюков Суизи (противопоставление Маркса и марксистов), то в целом его мысль верна. Свою общую теорию Шумпетер создавал именно под влиянием К. Маркса и именно как конкурирующую с марксизмом, т. е. противостоящую, рассчитанную на противодействие марксистскому учению.

Вопрос о взаимоотношении теории марксизма с концепциями Шумпетера — вопрос вовсе не простой. Для того чтобы глубоко осветить его суть, необходимо обширное самостоятельное исследование, объем которого выходит далеко за пределы настоящей вступительной статьи. Собственно говоря, в том и состоит основная цель публикации настоящей работы Шумпетера на русском языке, чтобы советские исследователи могли последовательно и всесторонне дать с марксистских позиций анализ особенностей взглядов этого автора. Мы в данном случае можем ограничиться лишь некоторыми наиболее общими и необходимыми замечаниями.

Уже сама по себе задача, которую поставил перед собой Шумпетер, — создание всеобъемлющей теоретической схемы функционирования и развития капиталистического хозяйства и капиталистического общества в целом в качестве противовеса аналогичной теории марксизма — есть результат признания особой силы этой теории, признания ее целостности и последовательности. При разработке своей альтернативной по отношению к марксизму теории Шумпетер довольно широко и полно ознакомился с работами К. Маркса, и, что совершенно очевидно, это произвело на него глубокое впечатление. Претендуя на роль холодного

академического исследователя, Шумпетер, когда он говорит о Марксе, во всех своих работах проявляет массу самых разнообразных и противоречивых эмоций — начиная от восхищенного преклонения перед его величием, колоссальным интеллектом, железной логикой, гибкостью мышления, способностью к абстракции и последовательному конкретному анализу и кончая мелким раздраженным брюзжанием, преднамеренным умалением теоретического вклада Маркса в развитие экономической науки, сознательным демонстративным непониманием этого вклада.

Вот образец того, как Шумпетер писал о К. Марксе: «Если говорить о Марксе, то трудность состоит в том, что мы теряем что-то существенное для понимания его, когда расчлняем его систему на отдельные компоненты и выделяем специфическую ячейку для каждого такого компонента, как этого требует принятая нами процедура. В какой-то мере это справедливо для каждого автора: целое всегда нечто большее, чем сумма составных частей. Но только в отношении Маркса подобная потеря имеет жизненно важное значение, поскольку всеобщность его видения как единая совокупность утверждает свою правоту в каждой детали и является именно тем источником интеллектуального обаяния, которое испытал каждый, как друг, так и враг, кто изучал его работы»⁸. Итак, каждый элемент в теории Маркса является неотъемлемым, что-то выбросить, от чего-то отказаться, что-то трактовать иначе, чем Маркс, — значит, исказить учение марксизма. Правильная и справедливая мысль. Посмотрим, как сам Шумпетер ее реализует. Буквально на следующей странице он пытается доказать, что «Коммунистический манифест» не является работой, имеющей научный характер. «Не менее абсурдно было бы отрицать, что в самых глубоких научных работах К. Маркса его анализ был искажен влиянием практических соображений, не только влиянием страстных ценностных суждений, но также и идеологическими заблуждениями. Наконец, было бы абсурдно отрицать трудность, а в некоторых случаях и невозможность отделить его анализ от идеологического элемента»⁹.

Из сказанного следует, что первым препятствием на пути восприятия Шумпетером теоретической системы марксизма является идеология Маркса. К. Маркс никогда не скрывал своей идеологической позиции. Наоборот, он всегда подчеркивал, что его теоретическая система есть

основа идеологий передовой силы в развитии общества — рабочего класса.

В этой связи было бы интересно привести пример того, насколько непоследовательными и противоречивыми оказываются взгляды Шумпетера. Предоставим возможность самому Шумпетеру поспорить с Шумпетером по вопросу о том, действительно ли идеологическая позиция оказывается столь вредной для экономического анализа. В своем послании в качестве президента Американской экономической ассоциации (а это была последняя работа, опубликованная при жизни Шумпетера) он писал следующее: «...большинство из нас не довольствуются своими научными задачами, делают уступку своему общественному призванию и стремлению служить своей стране и своему времени, а поступая таким образом, мы привносим в свою работу собственные ценностные системы и все свои политические взгляды и устремления — всю совокупность своей личной морали вплоть до духовных амбиций... Для достижения цели, которую я поставил перед собой, важно подчеркнуть, что сама по себе научная деятельность не требует от нас отказа от наших целостных суждений или отказа от призвания выступать в качестве защитника какого-то специфического интереса. Исследовать факты или разрабатывать инструменты для исследования фактов — одно дело, оценивать их с определенных моральных или культурных позиций по логике вещей — другое, но первое не обязательно вступает в конфликт со вторым»¹⁰. В самом конце статьи следует вывод: «...Хотя мы продвигаемся (в развитии экономической науки. — А. М., В. Б.) медленно из-за наших идеологических убеждений, мы совсем не смогли бы продвигаться без них»¹¹. Таким образом, что «позволено Юпитеру, то не позволено быку». И. Шумпетер, оказывается, имеет право на идеологию, а К. Маркс — нет. В данном случае логика совершенно изменяет ему.

Надо отдать ему должное за то, что он сумел понять гносеологическое значение теории Маркса, объясняющей динамику развития капитализма внутренними силами. «Марксова теория является эволюционной в том смысле, в каком это не было свойственно никакой другой экономической теории: она пытается вскрыть механизм, который посредством лишь своего собственного функционирования и без помощи внешних факторов превращает любое данное состояние общества в другое состояние»¹².

Однако далее Шумпетер вновь идет по пути многостороннего упрощения идей и положений Маркса. Он совершенно произвольно отсекает от целостного учения отдельные исключительно важные элементы и, по существу выхолащивая это учение, оставляет лишь одну формальную оболочку. Его условием одобрения, как он говорит, «эволюционной теории Маркса» является отказ от диалектической методологии, преодоление якобы отрицательного и всепроникающего влияния Гегеля на Маркса. «Пример чисто фразеологических влияний (Гегеля. — В. Б.), которые многочисленны, может быть легко выявлен. Неподготовленный читатель произведений Маркса может задать вопрос, почему Маркс столь часто говорит о «противоречиях» капитализма, когда он имеет в виду не что иное, как взаимно противодействующие факты или тенденции: они являются противоречиями с точки зрения гегелевской логики»¹³. Во всем оказывается виноват Гегель. Если бы не он, то Маркс никогда бы не говорил о противоречиях капитализма, не вскрывал их и не анализировал. Не было бы и далеко идущих выводов о революционном разрешении этих противоречий. Словом, здесь у Шумпетера все поставлено с ног на голову, и вполне уместно вспомнить следующее высказывание Энгельса: «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в каком он становится единственно правильной формой развития мыслей. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает материалистическому основному воззрению»¹⁴.

О том, насколько далеко отходит Шумпетер от своего собственного мнения о необходимости рассмотрения марксизма в качестве целостного неразрывного учения, свидетельствует следующее — как нам представляется, ключевое для понимания его позиции в отношении марксизма — высказывание: «Это достижение (разработка «эволюционной теории Маркса». — А. М., В. Б.) имеет первостепенное значение, хотя составляющие его элементы обладают очень неравной ценностью, или, скорее, в неодинаковой мере ослаблены идеологической предвзятостью. Наименее ценной

для любых, кроме агитационных, целей является теория социальных классов, которую Маркс связывал с его экономическим трактованием истории: схема двух классов почти бесполезна для серьезного анализа; анализ на основе классового антагонизма заведомо неверен... и утверждение, что формы социальной организации определяются механизмом, который может быть описан исключительно в терминах борьбы между этими двумя классами, представляет собой упрощение, исключающее важнейшие детали действительно функционирующего механизма»¹⁵. Любому человеку, имеющему хотя бы элементарное и непредвзятое представление о теории марксизма, должно быть известно, насколько важное место занимает в этой теории учение о классовой борьбе. При этом борьба классов является одним из важнейших факторов развития любого общества, основанного на эксплуатации. «С самого начала цивилизации, — писал К. Маркс в 1847 г., — производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов»¹⁶.

Шумпетера как буржуазного идеолога отпугивало само понятие классовой борьбы и, что самое главное, то неизбежное революционное решение антагонистических противоречий капиталистического общества, которое несет в себе классовая борьба пролетариата.

Таким образом, Шумпетер наиболее резко и прямо высказывался против следующих коренных элементов марксизма: идеологической направленности марксизма и невозможности отделить теоретическую систему марксизма от его идеологического содержания; диалектического подхода к изучению общественных явлений и выявления противоречий капитализма; понятия социальных классов и классовой борьбы.

К этому краткому, но не исчерпывающему перечню следует добавить и тот факт, что Шумпетер неоднократно и в самом различном контексте, прямо и в завуалированной форме высказывается против трудовой теории стоимости.

Таким образом, становится очевидным, что Шумпетер выступал в качестве одного из убежденных критиков самых различных аспектов марксистской теории. Вместе с